

15-й выпуск

23-летний Игорь Кио — лауреат Международной премии Оскара, руководитель крупнейшего иллюзионного аттракциона — знаменит теперь уже не только фамилией, доставшейся в наследство от выдающегося артиста Эмиля Теодоросича Кио, но и тем, с каким изысканием продолжает он дело отца, непревзойденного мастера циркового иллюзиона. И каждый день, кроме вторника (в цирке выходной), зато по субботам и воскресеньям трижды на глазах у тысячи свидетелей он с беззаботностью перепиливает надвое собственную жену причем не в переносном смысле (как говорят в быту о сварливых супругах: «он ее пилит», «она его пилит»), а натуральной двуручной пилой. Каждый вечер в ажурной конструкции, обтянутой промасленной бумагой, он сжигает одну из очаровательных помощниц, а через десяток секунд воскрешает. Ему ничего не стоит лишить клоунов туловища, превратив их в смешных голостиков. Собранный прямо на манеже из дощечек ящик оказывается голубятней, из нее вылетает добрая сотня белоснежных птиц. Сквозь стекло Кио продвигает красную ленту, а потом в это отверстие проскальзывает его ассистентка — для того лишь, чтобы через мгновение зрители убедились, что стекло абсолютно целое. Впрочем, хватит рассказывать о трюках — так недолго пересказать всю программу, не пора ли задать хоть и банальный, но неизбежный вопрос:

— Как вы все это делаете?

— Очень просто. И это самый честный и исчерпывающий ответ. — Кио улыбается. — Ведь искусство иллюзиона построено на несложном парадоксе: хотя все знают, что чудес не бывает, но, приходя в цирк, не хотят верить, что трюки делаются без чудес. А в основе всегда лежит очень простое решение, и чем оно проще, тем зрителю сложнее разобраться, где его провели.

— Значит, все дело в какой-то необыкновенной механике?

— Ну вот, и в вас говорит человек двадцатого столетия: если всего того, что я делаю, «не может быть, потому что этого быть не может», следовательно, на меня работают все новейшие достижения науки и техники! Не так ли? Однажды в Доме ученых после моего выступления подошли ко мне несколько кандидатов наук и показали формулу, по которой они вычислили какой-то трюк. Возможно, они действительно его вычислили — я не могу отрицать этого, поскольку не силен в формулах, — только в том трюке формулы были абсолютно ни при чем. Как говорится, ловкость рук...

— Кстати, а разделяете ли вы для себя зрителей на «легких» и «сложных»?

— В цирке зал редко бывает однородным. Но могу сказать, что самые легкие зрители — люди высокообразованные, культурные. Они в цирке ведут себя, как, казалось бы, должны себя вести дети. А вот дети лет 10—11 — самый сложный зритель. Они все знают, все понимают. Как и фокусник, они идут от конкретного. Выникают в трюк без знания кибернетики. Как-то был случай: когда, распылив женщину, я расклавывался перед публикой, с галерки выбежал мальчишка, юркнул в ящик для распиливания, показал всем, как это делается, и под смех зала убежал обратно.

— А вы?

— Что я? По-прежнему ему — в нашей профессии приходится быть готовым к любым

неожиданностям, сюрпризам.

— Однажды я видел, как вы выступали с разоблачением своего же трюка. Не боитесь ли вы разочаровать в своем всемогуществе?

— Как раз я и хочу показать, что никакого всемогущества нет. Видите, сколь все ordinarily? Подобное сумеет каждый! А вот это попробуйте отгадать. Не получается? На то и фокус, на то и иллюзия. Наша профессия привлекательна тем, что почти все зрители испытывают интерес к фокусам, превра-

и в жизни «что» и «как» всегда неразделимы, и, замыслив что-то, я всегда тут же ищу пути, как это выполнить.

— Вы не читали в «Неделе» о знаменитом американском фокуснике Гарри Гудини, который в несколько десятков секунд выбирался из опутанного цепями и запечатанного замками сундука; связанный веревками в мешке, освобождался от пут под водой, и все это на глазах у зрителей, которые сами же заковывали мага? И о том, что алма-атинские арти-

ГОСТЬ 13-й СТРАНИЦЫ ИГОРЬ

сидел рядом с тренером ЦСКА В. Николаевым) послышался какой-то шум. Выяснилось, что один из болельщиков «Карпат» требовал вывести меня с трибун, потому что, по его мнению, подпав под мой гипноз, полузащитник львовян Броварский не забил пенальти. Сами понимаете, если бы я обладал подобными гипнотическими качествами, меня бы стоило ввести в какой-нибудь совет при нашей футбольной сборной. А если серьезно, цирку я обязан тем, что он мне дарит много друзей — людей разных профессий и возрастов, которые любят его настоящей и доброй любовью.

— Для зрителя цирк — непрекращающийся праздник. О буднях цирковых артистов он мало что знает. Не расскажете ли вы о них?

— То, что вы называете праздником, как раз и есть наши будни. Всего лишь раз в несколько лет артист цирка выступает у себя дома, в своем родном городе. Остальное время он в разъездах, гастролирует по стране, за рубежом. За последние полгода в Горьком и Львове мы дали свыше 300 спектаклей. Представляете, что это значит? Изю дня в день, а то и дважды, трижды в день играть одну и ту же роль. У драматических, оперных, балетных артистов есть репертуар, они создают на сцене разные образы. Мы же — пленники своего трюка, номера. Бывает, что за всю творческую жизнь артист цирка всего лишь раз-два меняет репертуар.

— Я вижу, вас это не очень вдохновляет...

— Иногда друзья, зрители в городах, куда приезжаешь не в первый раз, спрашивают: «А почему у вас нет ничего нового?» Что на это ответить? Я сам этим озадачен. Три года назад вместе с Олегом Левицким, человеком, неистощимым на выдумку, мы написали сценарий, в котором разработано около тридцати новых трюков. Но он лежит без движения — зачем, говорят нам, менять то, что и так нравится зрителю, делает полные сборы...

— Если не секрет, что составляет суть этого сценария?

— Что о фокусах рассказывать, их надо видеть! Но прежде всего задуманное нами представление — новое по форме. Весь спектакль, в том числе и первое отделение со сборной цирковой программой, объединен единой сюжетной нитью. В этом спектакле есть свои герои, персонажи. Например, в первом отделении коверные играют роль Ю Кио, как бы пародируя то, что я буду делать во втором.

— И что же вы будете делать?

— Совершенно новые трюки, которых еще не видел зритель, причем как бы отстраняясь от них, не придавая большого значения этим чудесам и превращениям. А в финале спектакля на манеж выкатят большой рояль, я, не умеющий играть, сяду за него и, спокойно музицируя, скажу примерно следующее: все эти фокусы — ерунда в наш век техники, ну кого это может удивить! А в это время мои ассистенты снимут у рояля ножки, и он останется висеть в воздухе...

«Как же все это сделать?» — можно было бы повторить вопрос. Но поскольку мы уже выяснили, что все это очень просто, не будем повторяться. Оставим Игорю Кио его секреты, а нам — неотгаданные загадки, которые отгадывать и не надо.

Ассистировал
фокуснику
Ал. АВДЕЕНКО.

щениям, всегда с охотой идут на представления иллюзионистов. Другое дело, что тот или иной фокус может показаться неинтересным, но интерес к существу дела остается всегда.

— Я понимаю, что громогласно раскрывать секреты трюков невозможно. И все же, как приходит к вам идея трюка?

— Часто такие идеи возникают случайно, но почти всегда они связаны с какой-либо жизненной ситуацией. Вообще-то в нашем деле принципиально нового не придумываешь. Что бы ты ни изобретал, все это встает в рамках такой формулы, которой я определяю для себя суть циркового иллюзиона: исчезновение, превращение, появление. Надо только, чтобы эта суть была интересна и неожиданна для зрителя. Давайте пойдем от простых вещей. Вот, скажем, телевизор. Какие манипуляции можно произвести с ним на манеже? Допустим, он работает без шнура. Ну и что? В век аккумуляторов и батарей! Допустим, он работает, потом я раскрываю коробку, а там нет ни ламп, ни транзисторов. Удивит это кого-нибудь в наш технический век? Вряд ли. А если на его экране будут появляться перед зрителем живые артисты, а затем, когда я раскрою коробку, выяснится, что их там нет, хотя исчезнуть им абсолютно некуда? Это уже ближе к трюку. Вот примерно так, как я сейчас с ходу пофантазировал, нащупываем мы идеи новых трюков, фокусов.

— То есть сначала придумываете, что делать, а потом решаете — как?

— Я думаю, что в искусстве

сты повторили трюк знаменитого иллюзиониста? Представляете ли вы, как это делается?

— Ну, имя Гудини широко известно в мире иллюзионистов. Его называли не только «королем цепей», но и «королем рекламы». Для успеха иллюзиониста реклама чрезвычайно важна. Судя по описаниям, работал Гудини блистательно, но и реклама у него была тоже «сверхъестественна». Чего стоит только его последний рекламный трюк с завешиванием, которое нужно вскрыть через стол! А что касается существа дела, я еще раз повторю то, что уже говорил: в основе любого фокуса лежит самое простое решение. С точностью я не могу сказать, как он все это делал, но учтите: сундук-то его, так же как цепи, замки и веревки. Здесь где-то и лежит отгадка.

— А как хранятся в вашей среде профессиональные секреты?

— Собственно, для нас они не такие уж секреты. Потом не надо забывать, что фокус сам по себе ничто. Если не будет артистизма, высокого искусства, естественного контакта со зрителем, то любой сложнейший трюк не воспримется публикой. В конце концов искусство иллюзионного аттракциона — это элегантная игра со зрителем. И я не думаю, раскрывая иногда перед ним свои секреты, что нарушаю правила этой игры. Когда мы гастролировали в США, произошел такой случай. Там существует «Братство волшебников», чуть ли не в каждом городе есть магази-

ны фокусов, клубы иллюзионистов. Фокусами увлекаются очень многие, и когда в Лос-Анджелесе я показал распиливание с разоблачением, то потом, несмотря на большой успех выступления, я получил официальный протест от «Братства». Я думал, что делюсь опытом, а оказывается, посягнул на святая святых. Между прочим, потом, когда я сказал, что мне понравился аппарат одного из фокусников, он ответил, что чрезвычайно польщен моим вниманием, для него это высокая честь и за тысячу долларов он готов показать мне аппарат. Я решил остаться не просвещенным.

— Скажите, что для вас самое приятное во время ваших выступлений?

— Естественно, соперничество зрительного зала, его смех, недоумение.

— А неприятное?

— Пустующие места. Отец говорил: «Успех фокусника — это не аподисменты, а полный зал». Так мы и стараемся работать.

— Удастся?

— Последние годы работаем при аншлаге.

— Не на манеже, а в жизни вам, вероятно, тоже приходится сталкиваться с тем, что вас считают всемогущим волшебником. Не припомните ли забавных случаев?

— Их сколько угодно. Некоторые зрители думают, что я обладаю гипнотическими способностями. Приходит как-то человек, весьма потертый и опухший, и говорит: «Помогите, спасите, вы должны посмотреть мне в глаза и сказать, пить мне или не пить». Я посмотрел ему в глаза и говорю: «Не пейте». Через два месяца приходит, благодарит за исцеление. А между прочим, спустя несколько дней я сам свалился от гриппа, и пришлось отменить представления на всю неделю. Так что видите, какой я гипнотизер. Однажды получил письмо с вложенным туда билетом «Спортлото». Зачеркнул шесть цифр, просил мой корреспондент, вы все можете, а выигрыш пополам. Билет я ему отослал обратно чистым: представляете, что было бы, если бы сошлись цифры? Совсем недавно, во время гастролей во Львове, забавный случай был. На стадионе. Основное время футбольной игры между «Карпатами» и ЦСКА закончилось вничью, футболисты начали бить пенальти. И тут сзади нас (я